

УДК 81.373: [811.161.1 + 811.161.3]

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗЛА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Е.И. РОМАНОВСКАЯ

(Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск)

Исследуется концептуализация зла в русской и белорусской фразеологии. Зло – аксиологический абстрактный концепт, выражающий ценностное отношение человека к окружающему миру. В статье представлены особенности концептуализации зла в русской и белорусской фразеологии. Используя методику профилирования концепта по Е. Бартминскому, репрезентированы и сопоставлены такие фасы, как происхождение зла, категоризация, объект. В результате моделирования концепта выясняется, что несмотря на большие сходства проявляются различия, свидетельствующие о некотором расхождении во взглядах русских и белорусов на зло.

Введение. Фразеология содержит в себе культурно значимую интерпретацию действительности, её источники представляют собой семиотические системы, моделирующие результаты человеческого самознания – архетипического и прототипического, т.е. возводимого к образцам или нормам [1, с. 239]. Нормы устанавливаются с обязательной опорой на ценности, выступая по отношению к ним формой выражения. Аксиологические понятия образуют ценностные суждения. В русской и белорусской культуре они составляют своеобразное аксиологическое «ядро», состоящее из особо значимых ценностей. Это прежде всего нравственные ценности [2, с. 123]. Добро и зло понимаются как безусловные ценности. Во фразеологии эти величины выступают как своего рода шаблоны культурно-национального миропонимания, как достояние группового сознания, они определяют коммуникативное поведение этнолингвокультурного сообщества.

В основе значения фразеологизмов лежит типичность образов, а также включённость в них символов или эталонов миропонимания – это плод коллективного представления лингвокультурной общности о некотором групповом опыте [1, с. 239 – 249].

Именно эта стереотипность, символичность или эталонизированность образного основания фразеологизмов обуславливает их культурно-национальную специфику [1, с. 3].

Аксиологические концепты являются продуктом культуры с её стереотипами, установками, системой ценностей. Они генетически связаны с национальной аксиологической системой и являются по отношению к ней вторично-производным образованием. Набор национально-культурных ценностей, специфичных для каждой культуры, эксплицирован в языковых формах – лингвистических конструктах аксиологических концептов, фразеологическом фонде [4, с. 274]. Во фразеологизмах с особой очевидностью проявляется связь языка с культурой этноса, с национально-культурными ценностями.

Основная часть. Зло относится к аксиологическим абстрактным концептам, которые выражают восприятие и понимание мира, а также ценностное отношение к нему человека.

Абстрактные понятия, как правило, в наивной картине мира конкретизируются. Не является исключением и предмет нашего описания. Рассмотрим зло как предмет в русской и белорусской фразеологии.

В русской фразеологии указывается, что Бог создал три зла – *это море, огонь и недобрая жена*, а в белорусской фразеологии утверждается: *чорта, бабу і казла (папа)*. В обоих языках зло связано с огнём: *Берегись лиха, как огня; Лиха загарэлася*, с женщиной, и это ярче репрезентировано в русских устойчивых выражениях: *Многое зло ради жён творится; Флориха дошла до лиха; Сто чарцей гэткага лиха не наробяць, як адна п'яная баба; Ад каваліхі ўсё лиха*. Такие взгляды обусловлены, безусловно, христианскими воззрениями на женщину.

Если в русском материале зло – вода, то в белорусском оно связано с нечистой силой, которая воплощена в образе чёрта и козла: *Чорт лиха збудзе, адно згіне – дзесяць будзе*. Кроме того, по русским воззрениям зло исходит от Адама (первого человека): *Адам зло сотворил, рай затворил*.

В русской и белорусской фразеологии указывается происхождение зла. Оно от окружающих людей: *Жил бы тихо, да от людей лихо; Адзін другога даводзіць да ліхога*, от людей с привлекательной внешностью: *За красивого пойдёшь – лихо наживёшь; За гожаю пойдзеш – лиха знойдзеш*. Но русская фразеология подчёркивает, что зло не может быть от близких, здесь проявлена оппозиция *свой – чужой*: *Флор Флорихе не думает лиха*. Белорусская фразеология отмечает, что оно не может быть направлено на себя: *Калі ліх, то сабе не ліх*.

В русском материале отмечается, что зло исходит от тех, кто потворствует злым людям: *Кто злым попускает, тот сам зло творит*, от врага: *Один враг делает больше зла, чем сто друзей добра*, от бол-

товни: *Язык многих зол виновник*, в белорусском – оно может возникать при содействии тишины: *Ад ціха ўсё ліха*, от плохой жизни: *Адкуль толькі тое ліха бярэцца, калі кепска жывецца*, от лени: *Гультай ляжыць, а ліха бяжыць* и возникает из ничего: *Ліха заводзіцца з нічога*; от чужого ребёнка, здесь проявлена оппозиция *своё – чужое*: *Гадуў чужое, а яно табе зычыць ліхое*.

В русских и белорусских биноминативных конструкциях (и в приближенных к ним) как субъект зло коррелирует с любовью к деньгам (сребролюбием), богатством: *Корень всем злым сребролюбие; Богатство скор путь на зло; Хоць худое, да ўдвое* (в русской фразеологии богатство – это зло особенно для глупого и гордого человека: *Дуракам богатство – зло; Богатство гордому сузубо зло*), пьянством: *Не зло вино, но зло пьянство; Гарэлка і віно – усяму дзелу зло*.

В русской фразеологии зло коррелирует с худым разумом: *Первое худо худой разум*, подчёркивается, что хуже худого разума нет: *Много худа на свете, а нет хуже худого разума*. Это также свобода для дурака: *Нет зла больше как дураку своя воля, суета: Зло – суета сует, и неспроста от знанья происходит доброта!*

В белорусской фразеологии зло коррелирует с холодом, зимой: *Зіма – ліха, а без зімы яшчэ горш*, зло – это давать и не давать: *И дай – плоха, и не дай – плоха*, дети: *Малые дзеці – малое і ліха*, причём размер зла зависит от их возраста. Эта сема имплицитно присутствует в фразеологической единице (ФЕ): *Быў бы каваль ды каваліха, будзе гэтага ліха*.

Кроме того, зло коррелирует с едой: *Худой доброго не ест*, в белорусской фразеологии с зерном, которое мелют: *Ліха перамелецца, і ўсё добра будзе*.

В русской фразеологии зло представляет собой жидкость. Его можно попробовать и хлебнуть: *Нахлебаться (хлебнуть) лиха*.

Как уже говорилось, нет ни одного живого существа без зла. Только один Бог в народе не соотносится со злом. Он может защитить, оберечь от зла: *Быть было худо, да Бог не велел; Кого Бог хранит, тому зла никто не учинит; Ліхо не возьме, калі Бог не дасць*.

По русским воззрениям, сам человек может охранить себя от зла: *Кто себя от зла хранит, того чести никто не повредит*, так как сердце способно его распознать: *Сердце вещун: чует и добро и худо*.

В русской и белорусской фразеологии зло можно одолеть тишиной: *Живи тихо, да избывай лиха; Калі ліха, сядзі ціха*. В русской фразеологии терпением: *Всякое зло терпением одолеть можно*, его нельзя избыть молитвой: *Амином лиха не избудешь*, его можно выгнать злом: *Зло злым и выгоняют (губиться)*, в белорусской фразеологии – лаской: *Ласкаю ліхога ўціхамірыш*, трудом: *За сошку трымайся і ліха не лякайся*.

Оберегает от зла также еда и питье: *С чая лиха не бывает; Хлеб да капушта лихого не допустят; Какое лихо стало ни от круп, ни от сала; Якое ліха стала, ці ад круп, ці ад сала*, также горшок как предмет, связанный с едой: *Горшок лиха не допустит*. Выражение *Зла не оставляют; Не хачу зла свайго астаўляць на дне* связано с народными представлениями о том, что на дне посуды могла остаться персонафицированная нечистая сила, поэтому посуду оставляли пустой [5, с. 388].

В русской и белорусской наивной картине мира зло воспринимается как объект, на который может быть направлено действие.

Зла (не) помнят: *Гнев держу, зла не помню; Позабыть зло; Зло помнит и неблагоприятием свет полнит; Ліхое забывай*; им вспоминают: *Поминать лихом; Икаецца, нехта злом памянуў*, оно помнится долго: *Тому тяжело, кто помнит зло; Добрае доўга помніцца, а благое яшчэ даўжэй (ніколі не забудзецца)*. Помнить зло для человека плохо, поэтому во фразеологии даются рекомендации зла не вспоминать: *Не поминай лихом; Не спамінай ліхога*. В русской фразеологии подчёркивается, что помнить зло – это находиться во власти нечистой силы: *Гневаться – дело человеческое, а зло помнить – дьявольское*. Отмечается, что не все люди помнят зло. К таким людям относятся благородные люди: *Благородный человек не помнит старого зла*; также встречается форма – запрет: не вспоминать лихом покойника: *Покойника не поминай лихом (худа не молви)*.

Однако зло представлено как нечто ценное. В русской фразеологии о нём просят у Бога, но такие просьбы Бог не слушает: *На зло молящего Бог не слушает*. Зло замышляет злой человек: *Злой человек зло и мыслит*, недруг: *Недруг дарит, зло мыслит*, оно может выходить наружу, и тогда о нём говорят: *Ты умеешь зло говорить, а я умею того не слушать*, но про себя обычно молчат: *Никто про себя худа не скажет*.

В белорусской фразеологии зло громкое, услышать его можно издали: *Добрае чуваць далёка, а ліхое яшчэ далей*; его нельзя вспоминать ночью, так как оно связано с нечистой силой: *Проці ночы ліха не ўспамінай*. Зло не жалеют: *Ліхога нечага шкадаваць*. Им можно дышать: *Ліхам свет не перадышаш*.

Зло это некий конкретный предмет. По данным русской и белорусской фразеологии его можно увидеть: *Кто живёт тихо, тот не увидит лиха; Абы ліха ціха*. В русской фразеологии его дают: *Зло давать*, имеют: *Зло поиметь*, вымещают: *Оскалять зло*, употребляют что-либо во зло: *Употреблять во зло*, за зло мстят: *Разумный и того не вредит, кому за зло отомстит*, его носят в себе: *Конкретные носите-*

ли зла, за ним ходят: *Кто за худым пойдёт, тот добра не найдёт (худое найдёт)*, его можно разлить: *Разлить зло, попробовать: Хватить лиха*.

В русской и белорусской фразеологии встречаем много устойчивых единиц с сочетанием «делать зло». Итак, зло (в белорусской фразеологии *ліха*) делают: *Одно худо сделаешь – век станешь помнить; Живе мадзее, а ліха дзее*, в русской фразеологии зло делают при помощи того же зла: *Зло злым исполнить*.

Зло часто делают намеренно: *Как назло; Делать назло; Говорить назло; Со зла; Як назло*. В белорусской фразеологии отмечается, что зло делают тайно: *Маўчыць, а ліха робіць; Сам хітруе і людзям ліха дзее*, а в русской фразеологии зло делают и в открытую, на глазах: *В очью на зло делает*.

Через фрейм, обозначенный устойчивым сочетанием *делать зло*, раскрываются социальные и личные отношения между людьми, это проявляется в оппозиции *своё – чужое*: *Не делай своего хорошего, делай моё худое; Кідай сваё харошае, дзелай маё худое*, то есть за сделанное зло человек осуждает в первую очередь окружающих, а не себя.

В русской фразеологии злу помогают, то есть зло делающий человек является слугой зла: *Когда зло кто захочет сделать, слуга всегда ему бывает*. Здесь встречаем мнение, что, сделав зло, человек не должен об этом жалеть: *Не кайся, худо сделавши*, с другой стороны, он не должен держать зла на окружающих: *Зла друг на дружку камнем не держать*, отвечать злом: *Зла за зло не воздавай*, не сопротивляться злу: *Непротивление злу (насилием)*.

Зла никому не делают книги: *Книги читать – зла не плутать*, ласточка: *Сова тиха, да птиц душист, а ласточка весь день щебечет, да зла никому не делает*.

Русская и белорусская фразеология обладает директивной функцией, она призывает не делать зло и объясняет почему. Во-первых, это сопряжено со страхом: *Не делай зла – не будешь в вечном страхе; Баіцца, а ліха робіць, Зробіш ліхое і душа не на месцы*. Во-вторых, русская фразеология указывает, что это принесёт гибель: *Кто зло творит, сам от зла погибает* и печаль: *Лихому служить – будешь тужить*. В белорусской фразеологии это объясняется тем, что зло возвращается к тому, кто делает: *Не зыч ліха другому, каб не давялося самому, Нарабіў ліха – не чакай добра*.

В русской и белорусской фразеологии зло выступает как наука, ему учат. Отмечается, что злу учат только злые люди: *На худо добрые люди не учат*; что их самих обучать не надо, эту науку знают без обучения: *Лихога не ліхое вучыць не трэба*, указываются действия, которые нельзя расценивать как зло: *Жена мужа бьёт, не на худо учит*, причём наказание за зло – это добро: *Б'юць малога, то на ліха не учаць*.

Зло в русской и белорусской фразеологии познают: *Узнать почём фунт лиха; Няхай пазнае, пачом фунт ліха*.

Зло – это нечто опасное, его надо избегать: *Берегись худа как огня; Далей ад ліха*. Народ его не хвалит, но терпит, так как от него трудно избавиться, оно неотвратимо, его нельзя миновать: *Хуже, как боишься: лиха не минёшь, а только надрыжышься; Горш, калі баіся: і ліха не мінеш і надрыжыся; Ад ліха не адхрысціся, не адпросіся, Худое (лихое) споро, не сживёшь (не выведешь) скоро; Не так хутка ліха выгнаць, як яно ўлезе. От зла, лиха (не) избавляются лихим: Худое худым не исправиль; Лихое лихим избывается; Ліхое ліхім і збываюць. За него не хвалят: Худое хвалить нечего; Леги праўда спаліць, чым за ліха пахваліць. В русской фразеологии его накапливают: Жарко печь натопишь – угоришь, много зла накопишь – уморишь*.

Однако от зла всё же можно избавиться. Это приносит человеку облегчение, он забывает свои печали: *Лихо избудешь, всю кручину забудешь*. Человек, избавившись от зла, становится бесстрашным: *Кто от зла отлучился, тот никого не боится*. Даются советы, как это сделать: надо держать дистанцию, удаляться и творить добро: *Отойди от зла и сотвори благо; Умный от зла бежит, а глупый его догоняет; Ліхое далёка абыходзь*. В белорусской фразеологии говорится, что убежать надо тихо, незаметно: *Ад ліха ўцякай ціха*.

Белорусская фразеология содержит пожелания об устранении зла: *Каб цябе ліха мінула! Няхай ліха прападзе, няхай добра будзе! Каб вас ліханька не ўзяло!*

Таким образом, зло представляет собой нежелательный предмет для человека и не составляет особой значимости, ценности в его жизни. Тем не менее зло неотъемлемая часть жизни человека: *Усякага ліха патрошку*.

С другой стороны, фразеология утверждает, что зло как предмет значимо в жизни человека, оно может быть дорого: *Хоть худо, да любо; З мільым худам, необходимо для человека: Воспринимать как необходимое (неизбежное) зло; На свете с худом худо, а без худа и вовсе худо, без него нельзя*.

Зло в русской и белорусской фразеологии связано с добром, между ними тонкая грань: *И лихое добрым станет*, поэтому зло часто предпочитают добру: *Мимо добра – да худа захотел; Няма худа без добра*.

Зло выступает как предмет купли-продажи. Его можно купить: *За свои гроши купил себе лихо; Лучшие деньги пропить, чем худое купить*, за него платят: *Мыслью приучать себя, почём платят за фунт лиха; За ліхое ліхім плацяць (награждаюць)*, его приобретают и теряют: *Зло приобретённое зло и пропадёт; Ліха набярэшыся, ды не хутка пазбудзеш*, в русской фразеологии его выбирают: *Заберёшься, худое*

выберешь; Из двух зол выбирай меньшее, меняют: Менял тихо, а выменял лихо, превращают, обращают: Обратить что-либо во зло.

Зло наживают быстро и легко: Денег нажить немного труда, да худа наживёшь, и слава худа; Лиха скоро наживёшь, ды нескора зживёшь. Во фразеологии подчёркивается, что нажитое худом не идёт на пользу: Худом нажитое впрок не идёт (добра не сотворит), Нарабіў ліха – не чакай дабра, изжить его трудно.

Зло выступает как предмет манипуляций, его в русской фразеологии держат: Держать зло, а в белорусской фразеологии держат на верёвке: Усякае ліха на пачопачцы, на нём ездят: На эле далёка заедзеш, ды не вернешся.

Заключение. Всё сказанное о русском и белорусском зле можно представить в виде профиля (образа), состоящего из фасет.

В русской и белорусской фразеологии зло *категоризируется* с богатством (оно выступает как предмет купли-продажи), огнём, едой, женщиной, пьянством. Источником зла выступают Бог, (создаёт) сам человек, женщина, также жених или невеста с привлекательной внешностью. В русской и белорусской фразеологии от зла *оберегает* Бог, еда и питьё, посуда. Зло *одолевают* тишиной.

Зло как *предмет* вступает в определённые отношения с человеком. В русской и белорусской фразеологии в представлениях о зле заложена энантиосемия. С одной стороны, оно не представляет ценности: от него трудно избавиться, за него не хвалят, его остерегаются, боятся, удаляются, от него бегут. С другой стороны, зло как предмет значимо в жизни человека, зло предпочитают добру, его наживают (в белорусской фразеологии его наживают понемногу), можно купить, за него платят, приобретают и теряют, им угощают. Зло выступает как наука, ему учат, его познают.

На фоне общего сходства проявлен национально-культурный компонент, который можно ясно увидеть по профилю концептов. Среди отличий в русском и белорусском образе зла отметим следующие: в русской фразеологии зло *категоризируется* со стихиями – морем, а также с глупостью, со свободой для дурака, суетой, жидкостью (хлебнуть), а в белорусской – с нечистой силой – чёртом и козлом, вообще каким-то животным: на нём ездят, его держат на верёвке, а также с зерном, холодом, детьми.

Источником зла, по русским воззрениям, является Адам, те, кто потворствует злым людям, язык, враг, богатство. В белорусской фразеологии зло от тёмных сил, тишины, плохой жизни, лени, от чужого ребёнка, оно возникает из ничего.

Русская фразеология утверждает, что зло *побеждают* злом, терпением (на зло не действует молитва), белорусская – лаской, трудом. Берегает от зла, согласно русскому материалу, сам человек, сердце. Русская фразеология отмечает, что зло делают при помощи того же зла, в открытую, белорусская же указывает, что зло делают тайно.

Материал показывает, что на фоне общего сходства всё же проявляется национально-культурный компонент, свидетельствующий о некоторых особенностях в мировидении двух народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 379 с.
2. Бартминский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминский. – М.: Индрик, 2005. – 123 с.
3. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Академия, 2002. – 280 с.
4. Привалова, И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивной основы межкультурной коммуникации): моногр. / И.В. Привалова. – М.: Гнозис, 2005. – 274 с.
5. Беларуская міфалогія: энцыкл. зб. / уклад. С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч. – Мінск: Беларусь, 2004. – 388 с.

Поступила 25.10.2007